

В один из жарких августовских дней поэт Василий Андреевич Жуковский был выслан из...

Тут читатель, хотя бы немного знакомый с биографией автора «Светланы» и «Певца во стане русских воинов», наверняка споткнется. Жуковский? Выслан? Да разве был он когда-либо в опале — ординаторский академик Императорской академии наук, тайный советник, наставник будущего российского царя Александра Второго, человек, в течение многих лет живший под крышей Зимнего дворца? Вот Пушкина — того, как известно, действительно выслали, причем норовили упрятать как можно дальше, и не кто иной, как Василий Андреевич Жуковский (на пару с Карамзиным) добился, чтобы удаление дерзкого стихотворца в Сибирь либо на Соловки было заменено почти курортным вояжем в южные губернии. Тот же Жуковский вызволил из вятской ссылки бунтаря Герцена, о чем впоследствии было с признательностью поведено миру в «Былом и думах». Жуковский организовал выкуп из крепостных Тараса Шевченко, Жуковский хлопотал за Лермонтова, когда того отправляли на Кавказ... Но чтобы его самого выслали? Когда? И, главное, за что?

Время можно назвать с точностью до дня: третьего августа 1812 года. Что же касается причины, то ею, как это испокон веков водилось у поэтов, послужили стихи. Правда, тогда еще не напечатанные, а всего лишь исполненные, причем самим автором, под музыкальный аккомпанемент: у Жуковского был небольшой, но приятный голос, музыку же сочинил хозяин имения, где происходило возмевшее столь печальные последствия действие.

Называются стихи «Пловец». Герой их — гонимый «вихрем бедствий» одинокий мечтатель, «челн» которого жестокая буря занесла в океан. Ночь, небо затнуто тучами, единственная звездочка мелькнула было да тут же скрылась, и вдруг...

Вдруг — все тихо!
Вмиг исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трех ангелов небес.

За эту-то «райскую обитель», за этих «трех ангелов» — за них особенно! — и подвергся поэт остракизму. Но остракизму не политическому, а сугубо домашнему, родственному, осуществленному руками любимой сестры. Покинуть — и покинуть немедленно! — велено ему было место, дорожке и святее которого он не знал на земле. Законопослушный литератор молча подчинился...

Место, откуда был изгнан автор «Пловца», располагалось на высоком берегу реки Орлик и звалось Муратово. Семейство Протасовых жило здесь: единокровная сестра Жуковского Катерина (сам Жуковский, как известно, родился от пленной турчанки) и две ее дочери. Дядя

Василий был одно время их домашним учителем.

Сохранился план, по которому Жуковский занимался с племянницами. В качестве первого параграфа фигурирует чтение стихотворцев, в качестве второго — занятия по истории, географии, нравственности и т. д.

Ученицы — Маша и Саша — оказались ученицами благодарными: схватывали все на лету и гениального наставника своего боготворили. Особенно старшая, Маша. Но, будучи застенчивой от природы, скрывала свои чувства, излишне горячие, понимала она, вот только они от этого менее горячими не становились. Напротив, разгорались все пуще. Пламень был так жарок, что не только опалил учителя, но зажег в груди у него ответный огонь, который малопомалу разгорался все сильнее, пока не превратился в форменный пожар.

Маменька, однако, до поры до времени ничего не замечала. Даже когда к именинам ее пятнадцатилетней дочери учитель преподнес в качестве подарка стихи, в которых открытым тек-

стами, разумеется, не сказала ни слова, а горе-женху велела держать язык за зубами. В противном случае, предупредила не любящая шутить Екатерина Афанасьевна, ему будет запрещено появляться в Муратово.

Более страшной кары Жуковский и вообразить не мог. «Ах, мне ль разлуку знать с тобой?» Он поклялся, что больше не зайнется о своей любви. Ни единого не скажет словечка.

И не сказал — что правда, то правда. Зато — спел. Именно это и приключилось третьего августа на домашнем концерте у композитора-любителя, что жил по соседству с Муратово, где как раз гостил поэт. Оно-то, Муратово, и подразумевалось под словами «райская обитель».

Само собой, «три ангела небес» на концерте присутствовали. Старшая — Екатерина Афанасьевна — сочла исполнение «Пловца» дерзким нарушением клятвы и потребовала немедленно покинуть «обитель». Это и было той самой выссылкой...

Жуковский подчинился — а что ему оставалось делать! Собрав

ности: строгий подозрительный родительский дозор не ослабевает ни на секунду. Но, слава Богу, перо слушается его не хуже, чем язык.

«Маша моя (теперь моя более, нежели когда-нибудь), помяла ли ты то, что заставило меня решительно от тебя отказать? Ангел мой, совсем не мысль, что я желаю беззаконного — нет! Я никогда не перемню на этот счет своего мнения и верю, что я был бы счастлив, и что Бог благословил бы нашу жизнь! Совсем другое и гораздо лучшее побуждение произвело во мне эту перемену! Твое собственное счастье и спокойствие!»

Но ведь для счастья женщины — для полноценного счастья! — этого недостаточно. Недостаточно матери, с которой у нее теперь должны наладиться отношения, недостаточно друга, пусть надежного, пусть верного, пусть любящего ее «как жизнь», но все-таки — лишь друга. Женщина по-настоящему счастлива только в семье, только в материнстве... Что ж, он готов и к этому.

«Я готов во всяком случае быть за тебя жертвою, но надобно, чтобы жертва была необходима!»

Уроки любви

1812 - 1814 - 19 февраля - с 7

НЕБЕСНАЯ ДУША

Так называл Пушкин Жуковского. Но даже Пушкин не знал всех его тайн...

стом говорилось о полыхающем пожаре («Люблю тебя, дышу тобой»), не увидела в этом ничего предосудительного: дядя и должен любить племянницу, как же иначе!

Минуло три года. Жуковский, теперь уже признанный литератор, жил то в Москве, то в своей крохотной деревеньке, но в Муратово наведывался постоянно, а когда не мог, писал письма. Их тут ждали с нетерпением, читали сразу же вслух... Кроме одного, полученного маменькой в начале 1812 года.

Пробежав его глазами, Екатерина Афанасьевна (отчества у них с единокровным братом были разные, поскольку незаконнорожденного Василия записали на имя обедневшего соседского помещика) пугливо оглянулась, спрятала листок на груди и торопливо удалилась в свою комнату. Запершись, перечитала, не веря собственным глазам, раз, другой, третий... Не может быть! Да этого просто не может быть! Васенька, ее братец, пусть не совсем родной, но кровь-то все-таки одна, просил руки ее дочери.

Отказ был решительным и категоричным. Очень жестким был отказ — таким, чтобы раз и навсегда развеять безумные (в этом маменька не сомневалась) надежды.

ведички, отправился на следующее утро в свою деревеньку, а спустя день или два записался в Московское ополчение: к столице стремительно приближался Наполеон.

Ни разлука, ни время не исцелили влюбленных — напротив. Отчаявшийся поэт ищет поддержку в церковных кругах и находит: сам митрополит Филарет готов благословить их брак, но даже его высокий авторитет не способен поколебать решение маменьки. Теперь, правда, Жуковскому вновь дозволено бывать в доме: и в Муратово, и в Дерпте (нынешнем Тарту), куда мать с дочерьми переехала после замужества младшей, но всякий раз, гостя у Екатерины Афанасьевны, чувствовал на себе ее бдительное око: ни на миг не оставляла без присмотра Машу и Василия.

Не имея возможности поговорить с глазу на глаз, влюбленные объяснялись письменно, подчас даже живя под одной крышей: вели специальные тетрадки, которые оставляли в тайниках, ведомых лишь им одним. Но иногда, при благоприятных обстоятельствах, незаметно передавали листок из рук в руки.

«Милый друг Маша, надобно сказать тебе что-нибудь в последний раз, — писал он ей (перед очередным отъездом) из одной комнаты в другую. — Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе...»

В конце концов, он решается на шаг, который, верит, даст ему возможность беспрепятственно видиться с дорогим существом. Видеться хотя бы на правах родственника — уж этого-то лишиться его не в состоянии никто, даже маменька.

Шаг этот — отказ от всяких планов на брак, о чем он подробно и многократно пишет возлюбленной, ибо непосредственно объясниться, помогая себе интонацией, взглядом, жестами, у него по-прежнему нет возмож-

ности. Иными словами, чтобы нашелся достойный человек...

Такой человек находится. Это — дерптский профессор медицины Иван Филиппович Мойер, хирург и пианист (сам Бетховен внимал его игре), чьи нечастые — из-за занятости — концерты проходили с неизменным аншлагом. Выручка шла на создание больницы для бедных...

Прежде чем дать согласие Мойеру (раз она ему уже отказала), Маша обращается к Жуковскому:

«Мой милый, бесценный друг!.. Я хочу выйти замуж за Мойера. Я имела случай видеть его благородство и возвышенность его чувств и надеюсь, что найду с ним совершенное успокоение. Я не закрываю глаза на то, чем жертвую».

Жуковский соглашается: «Мойер прекрасный человек, сколько я его знаю», но советует повременить годик, дабы она могла убедиться, что будет с ним действительно счастлива.

Маменька, однако, торопит. Маменька не хочет ждать года. Маменька не верит своему единокровному брату... «Неужели я такая презренная тварь, — вырывается у Жуковского, — что уже мне никакого утешения сделать не можно, что уже меня можно раздавить, не думая даже, что я могу почувствовать боль?»

Но это — минутная слабость. Жуковский берет себя в руки и отправляется в Дерпт, чтобы встретиться с Мойером, посмотреть этому человеку в глаза, вручить ему свою Машу.

«Они говорили обо всем на свете, искренне и с чистосердечным желанием найти мое счастье, — так описала Маша эту удивительную встречу. — Мойер любит Жуковского больше всего на свете...»

Поэт о своей любви к будущей Машиничу супругу не распространяется, зато напутствует его стихами.

Счастливец, Ею ты любим,
Но будет ли она
Любима так тобою,

Как сердцем
искренним моим,
Как пламенной моей душой!

А ночью, оставшись один, записывает в дневнике: «Машина свадьба! Боже мой, что такое человек? Машина свадьба! Боже мой!»

Свадьба состоялась 14 января 1817 года, Жуковский присутствовал на ней и даже, вспоминая очевидцы, улыбался. А через два дня новобрачная сформулировала для себя принципы будущей семейной жизни: «Прошедшее мое счастье слишком живо у меня в глазах, оно украшает мое настоящее, потому что Жуковский есть ангел, но я должна быть его достойна, и потому спокойное исполнение долга без примеси того, что прежде было блаженством, должно наполнить жизнь».

Ей удалось это, и тому есть авторитетное свидетельство: мемуары Анны Керн, «гения чистой красоты», как — знают все — называл ее Пушкин. Куда меньше известно, что слова эти — «гений чистой красоты» — позаимствованы Пушкиным у Жуковского... Так вот, Анна Петровна Керн, хорошо знавшая в молодые годы чету Мойеров, писала в своих мемуарах: «Между ними не было страстной любви, только взаимное уважение. Она любила прежде всего Жуковского — и любовь эта, чистая и высокая, кажется, не угасла никогда».

Интуиция не обманула Анну Петровну: любовь не угасла.

«Ах, я люблю его без памяти и в минуты свидания чувствовала всю силу любви этой святой, которую ни за какие сокровища света отдать бы не могла».

Муж знает это. Она ничего не скрывает от него, она прямо говорит ему (и заносит эти слова в дневник): «Я счастлива, видя тебя довольным; позволь же мне быть печальной».

Лишь когда появлялся Жуковский, она оживала. Редкие, счастливые минуты! Да, счет шел на минуты, ибо рано или поздно приходилось покидать гостеприимный мойерский дом.

Вслед ему летели письма.

«Ангел мой Жуковский! Вот ты уже и проехал! Кончилось все счастье, которым сердце полтора года жило...»

Последний раз виделись за неделю до ее смерти — она умерла от родов, и последним ее словом было слово «Жуковский», которое она произнесла в полубеспамятстве. Звала его... Но Жуковский был далеко, и она, предвидя это, заранее написала ему прощальное письмо: его обнаружили через тридцать лет (он пережил ее на тридцать лет) возле остывающего тела поэта.

«Друг мой! Это письмо ты получишь тогда, когда меня подле вас не будет... Тебе обязана я самым живейшим счастьем, которое только ощущала! Не огорчайтесь, что меня потеряли! Я с вами! Жизнь моя была наисчастливейшая — включая два, три дурных воспоминания, я не имею причины жаловаться на нее, и все, что ни было хорошего, — все было твоя работа. Ангел мой!»

Письмо обрывается буквально на полуслове: «...я уверена в милосерд...»

Рядом лежали стихи, в которых он обращался к ней.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!

Стихи, как и письмо ее, остались незавершенными. Все правильно. Разве можно наговориться, когда любишь?

Руслан КИРЕЕВ.